

Сборник разносторонне отражает быт русского населения Забайкалья, его материальную и духовную культуру. В ряду этнографических публикаций это издание выделяется широтой тематики. Комплексное изучение народного быта, зодчества, музыкально-поэтического творчества способствует выявлению общих черт культуры этой ветви русского народа, сложной по формированию и разнообразию этнических связей. Приведенные в сборнике материалы позволяют сделать вывод о северорусской основе культуры семейских, с заметным влиянием южнорусских традиций. Они также свидетельствуют о взаимовлиянии русских и соседних сибирских народов. К сожалению, в большинстве статей авторы дают описательный материал по тому или иному аспекту культуры русских Забайкалья. Отсутствуют сравнительные данные даже с культурой русских Приангарья, которым была посвящена первая книга двухтомника. Возможно, это объясняется характером издания: в научный обиход введен новый материал, представляющий собой самостоятельную научную и художественную ценность.

Сборник является значительным вкладом в изучение культуры русского народа. Его ценность увеличивают хорошо выполненные иллюстрации, сопровождающие статьи и помещенные в приложения, а также тексты песен и нотные записи. Сборник, несомненно, будет интересен не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

В. А. Липинская, А. В. Сафьянова

Ю. В. Попович. Молдавские новогодние праздники (XIX — начало XX в.). Кишинев, 1974, 183 стр.

Работа Ю. В. Поповича посвящена изучению одной из существенных составных частей духовной культуры молдавского народа в XIX и начале XX в.— новогодней календарной обрядности. Новогодние обычаи и обряды молдаван входят в круг исследований по календарной обрядности народов мира, изучаемой советскими этнографами.

Автор поставил перед собой задачу определить этапы развития новогодних обрядов, бытовавших в период от наиболее древних времен до начала XX в., а также исследовать различные этнические компоненты этих обрядов, что чрезвычайно важно для освещения проблемы этногенеза молдаван.

Работа основана на исследованиях и описаниях молдавских календарных обрядов, по времени предшествующих работе автора, и главным образом на полевых этнографических материалах, собранных Ю. В. Поповичем в различных районах Молдавской ССР и прилегающих районах Украины, где также живут молдаване. В работе Ю. В. Поповича использована и критически осмыслена литература по молдавской календарной обрядности; вне поля его зрения не остались и труды по календарной обрядности соседних народов. Автор с вниманием отнесся к работам советских исследователей, внесших большой вклад в теорию трудового происхождения праздников и обрядов.

Интересна и важна первая глава «Начало года в календаре молдаван», посвященная истории молдавского календаря. В ней устанавливается три времени начала года на территории Молдавии: с древнейших времен до возникновения Молдавского феодального государства новый год начинался в марте; с XV в.— в январе; с XVII в.— в сентябре (в канцелярии) и январе (в быту); в первой половине XVIII в.— в январе (в летописях и в быту), в сентябре (в канцелярии и летописях); с 70-х годов XVIII в.— в январе (и в канцелярии и в быту). Некоторые сомнения вызывает категоричность утверждения о существовании мартовского нового года в Молдавии (стр. 17). В наиболее ранних описаниях путешественников упоминания о мартовском новом годе у молдаван отсутствуют. Смысловое же, а не лексическое совпадение названий весенних месяцев у молдаван и славян (например, месяц флорар) дает основания только для некоторых предположений об идентичности срока начала года у того или другого народа.

Особый интерес представляет вторая глава «Новогодние обычаи и обряды», занимающая большую часть работы (стр. 27—105). В основу членения этого раздела легли компоненты молдавской новогодней обрядности. Здесь тщательно описана и подлещена детальному исследованию последовательность новогодних обрядов. Обряд ритуальной пахоты и посева и обычай «соркова», направленные на увеличение плодородия, обычаи, отражающие веру в способность растений исцелять людей и скот, обеспечивают высокий урожай и освободить от «нечисти»; особый ритуал новогодней трапезы и обряд «первого посетителя»; драматизированные представления, связанные с культом плодородия, которые должны были, по поверьям, обеспечить богатый урожай и благополучие на весь год,— составляют яркую и сложную картину новогодних обычаев у молдаван. Остановимся на некоторых из них.

Обрядовые действия с плугом и поздравления хозяев — один из основных новогодних обычаев. Метод изучения его (как, впрочем, и других обрядов) Ю. В. Поповичем имеет ряд достоинств. Автор связал текст поздравлений, рассматривавшийся до сих

пор самостоятельно, с ритуалом обрядовых действий, т. е. осветил обряд в целом. Весьма ценно также и то, что по элементам обряда восстанавливаются черты общественно-экономических отношений, характерных для того времени, когда эти элементы обрядности возникли. Например, обряд проведения борозды вокруг всего села указывает на существование общины; обращение к главе семьи, хозяину дома — на проникновение в семейную общину начал частной собственности (стр. 48, 49). Положительно следует оценить стремление поставить молдавский обряд с плугом в ряд аналогичных ритуальных действий других народов — болгар, украинцев, русских, румын. Правильным представляется и то, что истоки этого молдавского обряда автор, опираясь на работы своих предшественников, ищет в древних обрядах фракийских племен.

Хотелось бы, однако, сделать некоторые критические замечания по этому разделу работы. Вряд ли есть основания утверждать, что обряды «хождения с плугом», «оранка» и т. п., засвидетельствованные не только на правом берегу, но и на левобережье Днепра (на Черниговщине) «ведут свое происхождение от духовной культуры фракийцев и соседствовавших народов» (стр. 54). Обряд с плугом (кстати, распространенный во всяком случае в XVI—XVII вв. и у русских, см. стр. 59) следует отнести к числу обрядов, характерных для земледельческих народов вообще. Возводить его к какому-либо одному, хотя бы крупному этносу, можно, как кажется, лишь при совпадении всех или же основных элементов обрядности. Думается, что искать его истоки во фракийской среде можно применительно к болгарам, румынам и молдаванам, так как главные элементы ритуала у этих народов совпадают с фракийским ритуалом, и этническая связь этих трех народов с фракийцами бесспорна. Истоки же украинского обряда нет достаточных оснований искать во фракийской духовной жизни.

Хотелось бы, чтобы данные о распространении современных (рис. 3) и древних (рис. 4) названий обычая с плугом были бы сопоставлены с имеющимися картографированными материалами о древнейших поселениях молдаван. Такой анализ был бы нужен для подтверждения выводов Ю. В. Поповича; он мог бы иметь значение и для выводов П. Бирни о молдавских поселениях средневекового времени.

Красочно описан обряд «соркова» (стр. 58—64), заключающийся в поздравлении и пожелании благополучия в новогоднее утро, высказываемых детьми. В ритуал обязательно входили легкие удары поздравляющих «цветущими ветками», перевитыми красной нитью, которыми дети сопровождали свои поздравления. Соприкосновение с цветущей ветвью должно передать человеку (или скоту) силу, плодovitость, красоту, благополучие и т. п.

Думаю, что автор прав, полагая, что аналогию обряда «соркова» нельзя искать в римском ритуале (стр. 61). Однако сомнительно, чтобы истоки обряда можно было бы выводить, как утверждает автор, из древнегреческого ритуала. Речь, видимо, идет о греческом празднике в честь Диониса — об антестериях, точнее — о втором дне этого праздника — дне «хоес». В этом общегреческом празднестве, наиболее ярко отмечавшемся в Афинах, особая роль была отведена детям. Украшенные цветами, с ветвями в руках, они принимали участие в сценах, изображающих прибытие бога Диониса, символизирующих воскрешение бога природы после зимних холодов. Поразительные совпадения в деталях ритуала антестерий и «соркова», отмеченные автором (стр. 62). Однако картографирование обряда «соркова» заставляет задуматься над эллинской трактовкой его происхождения. Обряд распространен по всей Болгарии, в южных районах Румынии (главным образом в Валахии), в северо-восточной Греции, в отдельных районах Сербии и Албании. Бросается в глаза, что он отсутствует в тех районах Юго-Восточной Европы, где скорее всего можно было бы ожидать сохранения древнегреческого обряда (например, он отсутствует в центральной Греции и на Пелопоннесе, где современные греки более чем какой-либо иной народ сохранили элементы античной культуры). Наоборот, его присутствие отмечается во всей Болгарии, которая в античное время отнюдь не вся была эллинизована, а появление древнегреческого ритуала у молдаван и румын Валахии еще более необъяснимо. Предположение Ю. В. Поповича, что появление обычая «соркова» у восточных романцев относится ко времени совместного жительства гето-даков и славян в Мёзии (стр. 63), также не отвечает на вопрос, каким образом он мог появиться и устойчиво сохраняться у них долгие столетия: жителей Мёзии никак нельзя отнести к числу глубоко эллинизованных народностей Римской империи. Все эти вопросы отпадают, если вспомнить, что родиной культа Диониса была, как теперь это признается почти всеми исследователями, Фракия. Обряд на празднике антестерий, аналогичный «соркове», возник и имел глубокие корни в религии фракийцев и именно в религии их южной ветви. Современные болгарские земли, заселенные в древности южнофракийскими племенами, оказались эпицентром, откуда культ Диониса фракийского распространился на соседние области Европы. Длительное сохранение отдельных элементов культа Диониса на соседних с бывшей Фракией землях — в Сербии, северо-восточной Греции, Албании и Румынии — может быть объяснено интенсивностью и жизненностью культа Диониса во Фракии. Короче говоря, истоки обряда «соркова» у молдаван больше оснований видеть во фракийском культе умирающего и возрождающегося божества, чем в древнегреческом.

Очень содержателеч раздел «Кульг плодородия в драматизированных представлениях» (стр. 81—105). Этнографический материал, полученный в результате экспедици-

онной работы, дал автору возможность составить подробное описание и дать анализ генезиса культов быка, козы и лошади.

Большой интерес для этнографической науки представляет и глава третья — «Праздник крэчун» (стр. 106—149). Автор вводит в научный оборот новый материал об этом празднике. Глава содержит также много данных для изучения взаимосвязей и борьбы язычества и христианства и для истории последнего. Ю. В. Попович указывает на древние, дохристианские корни праздника «крэчун», интерпретируя его как праздник зимнего солнцеворота, знаменующий собой начало трудового цикла. Закалывание свиньи накануне праздника, зажигание огней, ритуальная рождественская пища и обряд почитания мертвых составляют основные звенья этого празднества. Обоснованным представляется раздел, посвященный разбору самого термина «крэчун» и утверждение о его славянском происхождении (стр. 143—145). Специально отмечаются автором общевосточные и особенно южнославянские элементы ритуала в празднике.

По последней главе работы можно сделать замечания, касающиеся методики исследования обрядности. Трудно уловить, в каких случаях совпадения молдавского ритуала с обрядностью иных народов Ю. В. Попович объясняет сходством уровня социально-экономического развития, в каких — этногенетическими процессами, а в каких — культурными заимствованиями. Что служит или может служить критерием для этих очень важных для этнографической науки выводов? Этнографы, занимающиеся духовной культурой, знают, сколь труден этот вопрос. Критерии для суждений по нему окончательно еще не выработаны. Было бы желательно, если бы этот вопрос был поставлен на материале по календарной обрядности молдаван. Действительно, почему, с одной стороны, совпадения в ритуале, относящемся к культу козы и быка у древнебалканских народов и молдаван, дают повод для утверждения о большом удельном весе древнебалканских элементов в духовной культуре и этногенезе молдаван (стр. 94, 100), а с другой стороны, совпадения, например, в культе свиньи у молдаван со сходными обрядами у греков (тесмофории) и римлян (сатурналии) объясняются только сходством социально-экономических отношений, культурное же влияние греческой и римской религий на религию народов Европы в данном случае категорически отрицается (стр. 112—113)? Думается, что тщательное сопоставление отдельных мелких и специфических деталей ритуала могло бы дать основания для более широких выводов, касающихся генезиса молдавских обрядов. Такое сопоставление могло бы указать, в каком случае речь может идти о традиционном заимствовании ритуала (в силу этнических или культурных связей), в каком — о совпадениях, вызванных сходными, но независимыми процессами развития разных народов.

Книга Ю. В. Поповича вводит в научный оборот очень важные данные по новогодней обрядности молдаван, на основе которых делаются выводы о традиционной духовной культуре народа, в которой нашли отражение процессы адаптации, а также взаимосвязи и взаимовлияния, имевшие место между фракийцами, римлянами и древними славянами.

Следует отметить умение автора подчеркнуть сохранение в календарной обрядности народных традиций, рассматривать ее как форму коллективного общения и удовлетворения эмоциональных и этических потребностей народа.

Т. Д. Златковская

Литературные памятники. Добрыня Никитич и Алеша Попович. Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1974, 474 стр.

Издаваемая Академией наук СССР серия «Литературные памятники» обогатилась новой книгой. Выпущен впервые отдельным изданием один из древнейших циклов русских былин — о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче.

Общезвестно, что публикация фольклора, и в частности русских былин, имеет у нас уже давние традиции. Можно сказать, что былины прочно вошли как обязательный компонент также в серийные издания, имеющие своей задачей дать читателю представление о русской поэзии в целом (например, в большую и в малую серии «Библиотеки поэта»), не говоря уже о хрестоматиях.

Публиковались былины и в серии «Литературные памятники» (особенно если учесть, что, по мнению некоторых исследователей, она продолжает серию «Памятники мировой литературы», предпринятую еще издательством М. и С. Сабашниковых)¹; эта традиция насчитывает уже значительно более полувека. Еще до Октябрьской революции один из корифеев русской фольклористики М. Н. Сперанский опубликовал в серии «Памятники мировой литературы» первый том «Былин», хорошо принятый широкими кругами читателей². Почти через 40 лет А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов под-

¹ С. В. Белов, Книгоиздатели Сабашниковы, М., 1974, стр. 103.

² «Былины под редакцией М. Н. Сперанского». Издание М. и С. Сабашниковых, т. I, 1916; т. II, 1919.